

James Fenimore
COOPER
1789 – 1851

Джеймс Фенимор
КУПЕР

*Следопыт,
или
На берегах Онтарио*

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 92

Перевод с английского
Р. Гальпериной (гл. I—XI, XXVII—XXX),
Д. Каравкиной (гл. XII—XIX), В. Куреллы (гл. XX—XXVI)

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Гореликова

ISBN 978-5-389-10952-0

© Р. Гальперина (наследник), перевод, 2016
© В. Курелла (наследник), перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ГЛАВА I

Душистый дерн укроет плоть,
Небесный свод — мой храм, Господь!
В моем кадиле — ветры гор,
Мне мысль — молитва с давних пор.

Томас Мур. Священные песни¹

Кто не знает, какое впечатление величия исходит от необъятного! Самые возвышенные, самые смелые мысли посещают поэта, когда он заглядывает в бездны неизмеримых просторов, и с особенной живостью ощущает он тогда собственное ничтожество. Не может оставаться безучастным тот, кто впервые зрит перед собой ширь океана, и даже в безбрежности ночи находит наш ум подобие величия, поражающего нас в грандиозных явлениях природы, всю мощь которых не в силах постигнуть наши чувства. Нечто близкое восторгу и благоговейному страху, этому порождению возвышенного, ощущали при взгляде на раскинувшийся перед ними пейзаж и четверо несхожих меж собой персонажей, коим довелось открыть наше повествование. Вчетвером — двое мужчин и две женщины — взобрались они на груды поваленных ветром деревьев, чтобы оглядеться по сторонам. Такие места и поныне зовутся в этих краях ветровалами. Впускающая небесный свет в темные, душные лесные тущобы, они образуют как бы оазисы в торжественных сумерках американских нерубленных лесов. Описываемый здесь ветровал находился на косогоре пологого холма, и взору путника, взобравшегося на его верхушку, открывались

¹ Стихотворные эпиграфы переведены Р. Сефом, за исключением особо оговоренных.

широкие дали — нечаянная радость для странника, блуждающего в дебрях лесных. Небольшой клочок земли, но благодаря его расположению высоко на склоне холма, над уходящей книзу прогалиной, вид отсюда простирался много дальше, чем можно было предположить. Философы еще не установили природу стихий, производящих в лесу такие опустошения; некоторые ученые видят в этом разрушительное действие ветров, подобных тем, что образуют в океане смерчи, тогда как другие ищут причину во внезапных и сильных электрических флюидах; но самое явление достаточно всем знакомо. На кромке ветровала, о коем здесь идет речь, слепые стихии так нагромоздили дерево на дерево, что двое странников не только сами вскарабкались на высоту в тридцать футов, но и увлекли за собою — где уговорами, а где и вовремя оказанной помощью — обеих своих спутниц. Огромные стволы, сломанные и раскиданные как попало мощными порывами ветра, лежали навалом, словно бирюльки, меж тем как их ветви, все еще благоухающие увядшей листвою, переплетались, давая рукам надежную опору. Один вывороченный из земли великан торчал мощным комлем кверху, и на его разлапых корнях сохранился толстый слой земли, который и послужил своего рода удобными мостками для наших четверых путников, озиравших окрестность.

Пусть читатель не ждет здесь от меня описания людей из высших слоев общества. Это были всего лишь странники, блуждающие в дебрях лесных; но, даже отвлекаясь от этого, надо сказать, что ни обычный их жизненный уклад, ни положение в свете не приобщили их к преимуществам избранного круга. Двое — мужчина и женщина — были местные уроженцы, исконные хозяева этой земли, ибо они принадлежали к небезызвестному индейскому племени тускароров; что же касается их спутников, то мужчина, судя по его внешнему виду, всю жизнь скитался по морям, и лишь в качестве простого матроса, да и сопровождающая его девушка вышла из той же непритязательной среды, однако юность и мило-

видность, а также скромные и живые манеры придавали ее облику тот отпечаток ума и душевного изящества, который сообщает прекрасному полу двойное очарование. Вот и сейчас ее выразительные голубые глаза светились восторгом, а милое личико подернулось той легкой задумчивостью, какую вызывают в одаренных натурах сильные ощущения — даже в тех случаях, когда они приносят нам одну лишь незатуманенную радость.

И в самом деле, кто бы мог остаться равнодушным к картинам окружающей природы? К западу, в том направлении, куда были обращены лица путников и где, собственно, и открывались необъятные дали, взор блуждал по листовенному океану, отливающему всеми оттенками зелени представленной здесь роскошной растительности и расцвеченному богатейшей гаммой красок, столь обычных для сорок второго градуса широты. Вяз со своей изящной плакучей кроной, все многочисленные разновидности клена, а также благородные породы американского дуба и широколистная липа, известная в местном просторечии под именем мочальницы, — все эти деревья, переплетаясь верхними сучьями, образовали как бы необозримый листовенный шатер, простирающийся в сторону заходящего солнца и теряющийся в облаках на горизонте, подобно тому как волны морские сливаются с небесной синевой у основания небосвода. Тут и там небольшой просвет между лесными исполинами, образовавшийся либо по капризу природы, либо по воле бушующих стихий, позволял какому-нибудь дереву не столь мощной осанки пробиться к солнцу и вознести свою скромную вершину чуть ли не на уровень зеленого полога. К таким деревьям принадлежали береза — немаловажная особа в менее благословенных местах, трепетная осина, различные виды орешника, а также другие представители меньшей лесной братии; они казались чем-то вроде худородных, невзрачных гостей, затесавшихся в общество родовитых и знатных вельмож. Тут и там стройный гладкий ствол сосны, прорвав этот полог, высоко возносил над ним свою главу, словно

изящный обелиск, искусно воздвигнутый над лиственным долом.

Бескрайние просторы и почти безупречная гладь зеленого океана и создавали здесь впечатление величия. И без того нежная игра красок, приглушенная переливами светотени, рождала ощущение совершенной красоты, тогда как торжественное спокойствие природы настраивало чувства на благоговейный лад.

— Дядюшка, — вскричала приятно изумленная девушка, обращаясь к старшему спутнику, за локоть которого она почти неощутимо держалась, очевидно не доверяя достаточно крепкой, но несколько шаткой опоре под ногами, — разве это не похоже на ваш любимый океан?

— Вздор и детские фантазии, Магни! — Так дядюшка в шутку называл племянницу; воздавая дань ее девичьей привлекательности, он образовал это имя от слова «магнит». — Только ребенку придет в голову сравнивать какую-то пригоршню листьев с Атлантическим океаном. Все эти маковки деревьев, если их собрать в охапку, сгодятся разве что на скромный букетик, чтобы украсить грудь Нептуна.

— Хорошо сказано, дядюшка, но вы, кажется, хватили через край. Здесь на мили и мили кругом нет ничего, кроме листьев. А что особенного в вашем океане?

— Сравнила! — рассердился дядюшка, нетерпеливо выдергивая у нее локоть, ибо руки он глубоко засунул в карманы красного суконного камзола, какие были в ходу у тогдашних модников. — Что за сравнение, Магни! Ну где, скажи, тут пенистые волны? Где голубая вода, и соленые брызги, и буруны, и опять же — где киты, и свирепые тайфуны, и непрерывное бултыханье волн на этом несчастном клочке леса, дитя мое?

— А найдете вы на море эти зеленые султаны деревьев, благословенную тишину и пьянящий запах листьев и все это зеленое очарование? Найдете вы что-либо подобное на море, дядюшка?

— Вздор, Магни! Кабы ты хоть что-нибудь смыслила, ты знала бы, что зеленая вода — проклятье для матроса! Все равно что зеленый новичок на вахте.

— Но при чем же тут зеленые деревья? Чш-ш-ш! Слышите? Это ветерок дышит в листве.

— Уж если тебе нравится ветер, девочка, послушала бы ты, как воет в снастях норд-вест! А где у вас тут штормы и ураганы, где муссоны и пассаты¹ в этой бого-спасаемой лесной стороне? Я уж не говорю про рыбу — ее здесь и в помине нет.

— Что ж, здесь тоже бывают нешуточные бури, это видно с первого взгляда. А лесные звери — разве их сравнить с рыбами!

— Это как сказать, — заявил дядюшка с непререкаемой авторитетностью бывалого матроса. — Чего нам не порассказали в Олбани² про хищных зверей и что будто мы с ними столкнемся, а ведь нам не подалось ничего такого, что испугало бы даже тюленя. Я так полагаю, что никакие дикие звери не могут сравниться с акулой южных широт.

— Посмотрите-ка, дядюшка! — воскликнула племянница, которую больше занимала величественная красота бескрайнего леса, чем доводы ее почтенного родственника. — Вон там, над верхушками деревьев, вьется легкий дымок. Неужто здесь люди живут?

— А ведь верно! — подтвердил старый моряк. — Дым говорит о присутствии людей, а это стоит тысячи деревьев. Надо показать его Разящей Стреле — с такого дикаря еще станется: проскочит мимо гавани, так ее и не заметив. Там, где дымок, должен быть и камбуз³.

И дядюшка, вынув руку из кармана, тронул стоявшего рядом индейца за плечо и показал ему на чуть заметный виток дыма, который вырывался из лесной чащи примерно за милю от них и, расплываясь почти невидимыми струйками, бесследно исчезал в дрожащем воздухе.

¹ *Муссоны* — сезонные ветры, зимой дующие с суши на море, а летом — с моря на сушу. *Пассаты* — ветры, постоянно дующие в близких к экватору частях океана.

² *Олбани* — один из старейших городов Северной Америки (сейчас административный центр штата Нью-Йорк).

³ *Камбуз* — корабельная кухня.

Тускарора был одним из тех внушительного вида воинов, которые чаще встречались среди коренного населения страны в прошлом веке, нежели в нынешнем; он достаточно терся среди колонистов, чтобы познакомиться с их обычаями и даже языком, но почти не утратил первобытной величавости и естественного достоинства, присущих вождям индейского племени. К старому моряку он относился дружелюбно, но с заметной сдержанностью, ибо индеец, встречавшийся с офицерами на военных постах, где бывал частым гостем, не мог не понимать, что перед ним лицо подначальное. От невозмутимой замкнутости тускароры веяло таким сознанием своего достоинства, что Чарльз Кэп — ибо так звали нашего моряка — не решался даже в минуты безудержного бахвальства обращаться с индейцем запанибрата, хоть их путешествие длилось уже больше недели. Но сейчас этот дымок, курившийся над лесной глухоманью, так же взволновал моряка, как, бывало, внезапное появление паруса в море, и впервые за время их знакомства он отважился тронуть индейца за плечо.

Зоркий глаз тускароры сразу же различил в воздухе колечки дыма. С минуту он стоял, слегка привстав на носки и раздувая ноздри — точь-в-точь олень, почуявший в воздухе смутную угрозу, — и вперив в пространство недвижный взгляд, словно ученый пойнтер, ждущий хозяйского выстрела. Потом, опустившись на пятки, издал чуть слышное восклицание, столь же характерное для индейца, как и его воинственные вопли; больше он ничем не выдал своего волнения. Лицо его сохраняло неподвижность маски, и только быстрые черные орлиные глаза внимательно обшаривали листовенную панораму, точно стараясь не упустить ничего заслуживающего внимания. И дядя и племянница понимали всю опасность предпринятого ими путешествия по нехоженным, диким местам, но ни он, ни она не могли судить, добро или зло вещает им эта неожиданная близость человека.

— Где-то здесь охотятся онеиды или тускароры, Разящая Стрела, — сказал Кэп, называя своего спутника-

индейца его английским именем. — Неплохо бы к ним присоединиться. Эх, соснуть бы ночьку на удобной койке!

— Вигвам нет, — ответил Разящая Стрела с обычной невозмутимостью. — Слишком много дерево.

— Но должны же здесь быть индейцы. Может, кто из ваших старых земляков, мастер Разящая Стрела?

— Не тускарора, не онеида, не мохок — бледнолицый!

— Черта с два! Ну, знаешь, Магни, такое даже моряку не сморозить. Мы, старые морские волки, носом отличаем дух матросского табачка от солдатской люльки или логово неопытного новичка от койки заправского матроса; но даже старейшему адмиралу во флоте его величества не отличить по дыму из камбуза королевское судно от простого угольщика.

Мысль, что где-то по соседству в этой глуши обретаются человеческие существа, взволновала его прелестную спутницу; румянец еще живей заиграл на ее свежих щеках, и глаза заблестели; но и она растерянно повернулась к своему родичу и сказала нерешительно (обоим им не раз приходилось дивиться необыкновенным познаниям тускароры, его, можно сказать, вещему инстинкту):

— Огонь бледнолицего! Но он не может этого знать, дядюшка!

— Десять дней назад, дорогая, я бы в этом поклялся, а сейчас уже не поручусь. А дозвоьте вас спросить, Разящая Стрела, с чего вы взяли, будто это дым бледнолицего, а не краснокожего?

— Сырой дрова, — ответил воин наставительно, словно учитель, объясняющий арифметическую задачу бестолковому ученику. — Много сырость — дым большой; много вода — дым черный.

— Но разрешите заметить, мастер Разящая Стрела, дым ничуть не черный и совсем его даже не много. На мой взгляд, к примеру сказать, это такой же легкий кудрявый дымок, какой вьется над капитанским чайником, когда за неимением ничего другого кипятишь его на старой стружке, которой устилают трюм.

— Много вода, — повторил индеец, выразительно кивая головой. — Тускарора хитрый — не разводи огонь из вода. Бледнолицый слишком читай книга, он что хочешь жги. Много книга, ничего не знай.

— Что ж, это он правильно сказал, я с ним согласен, — подтвердил Кэп, не видевший в учености большого проку. — Он в тебя метит, Магни, в твои книжки. Вождь по-своему неглупый малый... А далеко ли еще, Разящая Стрела, по вашим расчетам, до этой лужицы, под названием Великое озеро? Мы уже который день к ней пробираемся, а все конца не видно!

Тускарора посмотрел на моряка с видом спокойного превосходства.

— Онтарио что небо, — сказал он, — одно солнце, и великий путешественник его увидай.

— Что ж, я и есть великий путешественник, не стану отпираться, но из всех моих путешествий это самое нудное и бестолковое. И добро бы оно к морю вело, а ведь мы в обратную сторону плетемся. Нет, ежели бы эта шайка пресной воды была под самым нашим боком да так она велика — уж пара зорких глаз должна бы ее увидеть, ведь с этого наблюдательного пункта видимость на добрых тридцать миль.

— Гляди, — сказал Разящая Стрела, с величавой грацией простирая вперед руку, — Онтарио!

— Дядюшка! Вас научили кричать: «Земля!», а не «Вода!» — вот вы ее и не замечаете! — воскликнула племянница, смеясь, как смеются школьницы своим задорным шуткам.

— Полно, Магни! Неужто бы я не узнал свою родную стихию, если бы заметил ее на горизонте?

— Так ведь Онтарио не ваша стихия, дядюшка, вас тянет на соленую воду, а это пресная.

— Я же тебе не какой-нибудь молокосос-юнга, а старый закаленный моряк! Я узнаю воду, даже если увижу ее в Китае!

— Онтарио! — горделиво повторил Разящая Стрела, опять показывая рукой на северо-восток.

Кэп впервые за время их знакомства посмотрел на тускарору с легким презрением, однако проследил взглядом за рукой и глазами индейца, устремленными на то, что казалось лишь клочком пустого неба, чуть повыше лиственной равнины.

— Вот-вот, этого-то я и ожидал, когда уходил с побережья на поиски какой-то пресноводной лужи! — снова заворчал Кэп, пожимая плечами, словно человек, окончательно пришедший к какому-то выводу и не желающий тратить слова попусту. — Возможно, это и есть Онтарио, но оно с таким же успехом уместилось бы у меня в кармане. Надеюсь, когда мы до него доберемся, нам можно будет развернуться там на нашей лодке... Однако, Разящая Стрела, если где-то рядом есть бледнолицые, не мешало бы нам с ними повидаться.

Тускарора в знак согласия низко склонил голову, и весь отряд начал спускаться с корней поваленного дерева. Едва прыгнув наземь, Разящая Стрела сказал, что отправится к огню и выяснит, кто его зажег, а жене и остальным своим спутникам посоветовал вернуться к лодке, которую они оставили на соседней реке, и там его подождать.

— Ну нет, вождь, это бы еще годилось при промере глубины или на небольшой прогулке по взморью, — возразил старый Кэп, — в неизвестной же местности страшновато отпускать лодмана так далеко от корабля. С вашего позволения, я пойду с вами.

— Чего хочет брат мой? — спросил индеец степенно, нисколько не обижаясь на столь ясно высказанное недоверие.

— Не расставаться с вами, Разящая Стрела, только и всего! Я пойду с вами и переговорю с незнакомцами.

Тускарора не стал возражать, но тем наставительнее приказал вернуться к лодке своей покорной и терпливой жене, только изредка решавшейся вскидывать на него свои большие черные глаза, в которых читались уважение, и страх, и любовь, преданная и нежная.

Но тут запротестовала Магни. Отважная и решительная в минуты невзгод и испытаний, она все же была жен-

щина, и мысль остаться одной, без защитников, в этой дикой пустыне, всю необъятность которой она только что измерила глазами, показалась ей такой страшной, что она выразила желание пойти с дядей.

— Прогулка будет мне только полезна, достаточно я насиделась в лодке, — уверяла она, и ее личико, побледневшее было от испуга, как она ни крепилась, чтобы скрыть свое волнение, снова расцвело румянцем. — Среди этих людей, возможно, есть и женщины.

— Что ж, не возражаю, пойдем. Это всего в каком-нибудь кабельтове¹ отсюда. Мы вернемся еще за добрый час до захода солнца.

Обрадованная девушка, чье настоящее имя было Мэйбл Дунхем, присоединилась к мужчинам, тогда как Июньская Роза — ибо так звали жену Разящей Стрелы — покорно побрела к реке; она так привыкла к повиновению и лесному сумраку, что совсем не испытывала страха.

Трое остальных, осторожно выбравшись из бурелома, вышли на опушку и направились в ту сторону, где курился дымок. Разящей Стреле достаточно было посмотреть разок-другой, чтобы выбрать нужное направление, тогда как старик Кэп долго и обстоятельно сверялся с карманным компасом, прежде чем углубиться в лесную чащу.

— Плыть, доверившись собственному носу, может, и годится для индейца, Магни, но наш брат, опытный моряк, знает цену этой стрелке, — говорил дядюшка, тащась по следам легко ступающего тускароры. — Америку бы вовек не открыли, поверь, если бы Колумб полагался только на свой нюх. Что, дружище Разящая Стрела, приходилось тебе видеть такую штуковину?

Индеец обернулся, мельком взглянул на компас, который Кэп держал перед собой, словно проверяя по нему курс, и ответил с обычной серьезностью:

— Глаз бледнолицый. Тускарора довольно голова. А теперь, Соленый Вода, — так индеец величал своего спутника, — нет язык, пусть будет один глаз.

¹ *Кабельтов* — морская мера длины, равная 185,2 метра.

— Он говорит, дядюшка, что нам следует помалкивать; опасается, должно быть, людей, с которыми нам предстоит встретиться.

— Индеец всегда осторожен, когда идет в дозор. Ты заметила, как он осмотрел затравку у своего ружья? Не мешает и мне проверить пистолеты.

Спокойно отнесясь к этим приготовлениям, ибо она привыкла к ним за долгое странствование в лесной глуши, Мэйбл шла быстрым, упругим шагом, не уступающим легкостью походке индейца, следуя по пятам обоих мужчин. Первые полмили странники ограничивались молчанием, но дальнейший их путь потребовал новых мер предосторожности.

В лесу, как обычно под густым навесом ветвей, глаз видел только высокие стволы деревьев. Все живое здесь было устремлено к солнцу, и они шли под лиственным шатром, словно под естественными сводами, опиравшимися на миллионы неотесанных колонн. Но за каждой такой колонной или деревом мог притаиться недобрый человек, охотник, а то и враг, и, по мере того как Разящая Стрела быстро подвигался туда, где, как подсказывало ему безошибочное чутье, должны были находиться люди, поступь его становилась все неслышнее, глаза все зорче пронизывали лесной сумрак, и он все осторожнее жался к деревьям.

— Гляди, Соленый Вода! — прошептал он с торжеством, указывая пальцем куда-то в глубь леса. — Огонь бледнолицый.

— Клянусь Богом, — пробормотал Кэп, — индеец прав! Вон они сидят себе за жратвой, да так спокойно, словно это не лесная трущоба, а каюта трехпалубного корабля.

— Разящая Стрела только отчасти прав, — шепнула ему Мэйбл. — Там два индейца и один белый.

— Бледнолицый, — повторил Разящая Стрела и поднял вверх два пальца. — Краснокожий, — и поднял один палец.

— Отсюда не разберешь, — рассудил Кэп, — кто из вас прав. Один из них наверняка белый, и какой же он

приятный малый! Сразу скажешь, что из порядочных, да и из себя молодец, не какой-нибудь увалень; другой, видать, краснокожий — и от природы, и оттого, что краски на себя не пожалел; зато уж третий — ни два ни полтора, ни бриг ни шхуна¹.

— Бледнолицый, — повторил Разящая Стрела и снова поднял два пальца. — Краснокожий, — и поднял один палец.

— Должно быть, он прав, дядюшка, вы же знаете, какой у него верный глаз. Но как бы нам выяснить, кто они — друзья или враги? А вдруг это французы?

— А вот я им покричу, и мы увидим, — сказал Кэп. — А ну-ка, Магни, спрячься за дерево — как бы этим негодяям не взбрело на ум дать по нам бортовой залп из всех орудий, не вступая в переговоры. Я мигом выясню, под каким флагом они плавают.

Дядюшка приложил ладони рупором ко рту, чтобы окликнуть незнакомцев, но Разящая Стрела внезапным движением помешал его намерениям, выведя из строя его инструмент.

— Краснокожий — могиканин, — объявил тускаро-ра. — Хорошо. Бледнолицый — ингиз².

— Приятная новость! — прошептала Мэйбл; она без удовольствия думала о возможной кровавой схватке в этом глухом лесном закоулке. — Пойдемте к ним, дядюшка, и скажем, что у нас самые мирные намерения.

— Очень хорошо, — сказал тускаро-ра. — Краснокожий — спокойно, он знай. Бледнолицый скоро-скоро — и огонь. Пусть иди скво³.

— Это еще что за притча! — вскричал Кэп в крайнем изумлении. — Послать малышку Магни лазутчиком, а нам, двум олухам, расположиться здесь и ждать сложа руки, как она там причалит к берегу? Да чем такое допустить, я...

¹ Бриг — двухмачтовое судно с прямыми парусами, которые обычно стоят поперек судна; шхуна — судно с косыми парусами, которые стоят вдоль судна.

² Ингиз — англичанин.

³ Скво — женщина.

— Это мудрый совет, дядя, — сказала храбрая девушка, — и я ни капли не боюсь. Ни один христианин, увидев женщину одну, не станет в нее стрелять, — я к ним явлюсь как бы вестницей мира. Давайте я пойду вперед, как предлагает Разящая Стрела, и все будет прекрасно. Вас еще никто не видел, а меня незнакомцы не испугаются.

— Очень хорошо, — повторил Разящая Стрела, которому, видно, нравилось присутствие духа у молодой девицы.

— Такое поведение не пристало моряку, — возразил Кэп. — Впрочем, здесь, в лесу, никто, конечно, не узнает. И если ты в самом деле не против, Мэйбл...

— Да что вы, дядюшка! Я нисколько не боюсь, тем более что вы будете рядом и за меня вступитесь.

— Ну, так и быть. Но возьми у меня один из пистолетов.

— Нет, лучше я положусь на свою молодость и слабость, — сказала девушка, смеясь; от волнения щеки ее зарделись как маков цвет. — Беззащитность женщины — самый верный ее оплот среди добрых христиан. Я никогда не зналась с оружием и впредь не хочу ничего о нем знать.

Дядя не стал настаивать, и, провожаемая мудрыми наставлениями тускароры, Мэйбл собрала все свое мужество и одна-одинешенька пошла к людям, сидевшим у костра. Сердце тревожно колотилось у нее в груди, но она шла твердым шагом, ничем не выдавая своего волнения. В лесу стояла нерушимая тишина, ибо те, к кому Мэйбл приближалась, были слишком заняты удовлетворением своего естественного аппетита, или, проще сказать, волчьего голода, чтобы позволить себе отвлечься от столь важного дела чем-нибудь посторонним. Но в сотне шагов от костра Мэйбл случайно наступила на сухую хворостинку, и едва слышный хруст, раздавшийся под ее легкой стопой, заставил могикинина, за коего признал индейца Разящая Стрела, и его товарища, относительно которого мнения разошлись, с быстротой молнии вскочить на ноги. Оба они оглянулись на свои карабины,

прислоненные к дереву, но при виде девушки ни один из них не протянул руки к оружию. Индеец ограничился тем, что сказал белому несколько слов, после чего воротился к своей трапезе так спокойно, как будто ничего не произошло, тогда как его товарищ отошел от костра и направился навстречу девушке.

Когда незнакомец приблизился, Мэйбл увидела, что ей предстоит разговор с человеком одного с ней цвета кожи, но платье его представляло такую причудливую смесь костюмов двух наций, что ее взяло сомнение, и она отложила решение этого вопроса до более близкого знакомства. Это был молодец средних лет, скорее некрасивый, но с таким располагающим, бесхитростным лицом, что Мэйбл он показался чуть ли не красавцем, — во всяком случае, страх ее как рукой сняло. И все же она остановилась, повинувшись если не велению своей натуры, то обычаю своего пола, возбранявшему ей слишком явно торопиться навстречу незнакомому мужчине, да еще при тех обстоятельствах, в каких она волею случая оказалась.

— Не бойтесь ничего, милая девушка, — сказал охотник, ибо, судя по одежде, таково было его занятие. — Вы встретили в этой пустыне честных христиан, готовых радушно принять каждого, кто хочет мира и справедливости. Я человек небезызвестный в этих краях, — смею надеяться, что и до ваших ушей дошло одно из моих многочисленных прозваний. Французы и индейцы по ту сторону Великих озер знают меня как *La Longue Carabine*¹, могикане, справедливое и честное племя — вернее, то, что от него осталось, — зовут меня Соколиным Глазом, для солдат и лесников по эту сторону Озер я известен как Следопыт, ибо я никогда не сойбюсь со следа, зная, что в лесу меня поджидает друг, нуждающийся в помощи, или же минг².

¹ Длинный Карабин (*фр.*).

² *Минги* — бранное имя, которым делавары называли гуронов — североамериканское индейское племя, поддерживавшее французов во время англо-французских войн за американские колонии. Гуроны принадлежали к одной из групп ирокезских племен.

В речах незнакомца не чувствовалось бахвальства, а лишь законная гордость тем, что, каким бы именем его ни звали люди, они не могли сказать о нем ничего дурного. На Мэйбл слова его оказали магическое действие. Услышав последнее его прозвище, она радостно всплеснула руками и восторженно повторила:

— Следопыт!

— Да, так меня зовут, милая девушка, и не всякий лорд столь заслуженно носит свои титулы, как я мое прозвание, хотя, по чести сказать, я еще больше горжусь своим умением обходиться без всяких следов и троп.

— Стало быть, вы тот самый друг, которого батюшка обещал послать нам навстречу!

— Если вы дочь сержанта Дунхема, то даже Великий Пророк делаваров¹ не высказал бы истины более очевидной.

— Я Мэйбл, а там, за купой деревьев, скрывается мой дядюшка Кэп и тускарора, которого мы зовем Разящая Стрела. Мы рассчитывали встретить вас не раньше чем дойдя до озера.

— Я предпочел бы видеть вашим проводником более прямодушного индейца, — сказал Следопыт. — Не очень-то я доверяю тускарорам: это племя слишком удалилось от могил своих предков, чтобы по-прежнему чтить Великого духа. К тому же Разящая Стрела — честолюбивый вождь. А Июньская Роса с вами?

— Да, жена его сопровождает, и какое же это милое, кроткое создание!

— И преданное сердце, чего не скажешь о ее муже. Но не важно: нам подобает со смирением принимать предначертанное свыше, покуда мы шествуем тропой жизни. Вашим проводником мог оказаться кто-нибудь и похуже тускароры, хотя в нем слишком много крови мингов, чтобы можно было считать его другом делаваров.

¹ *Делавары* — североамериканское индейское племя, поддерживавшее англичан во время англо-французских войн за американские колонии; создали могучий союз племен, в который входили и могикиане.

— Так, значит, хорошо, что мы встретились! — воскликнула Мэйбл.

— Во всяком случае, очень неплохо: ведь я обещал сержанту благополучно доставить его дочку в крепость, хотя бы и ценою своей жизни. Мы оставили нашу лодку на подступах к водопаду и на всякий случай пошли вам навстречу. И хорошо сделали: Разящая Стрела вряд ли справился бы с быстринной.

— А вот и дядюшка с тускаророй. Наши отряды могут теперь соединиться.

И действительно, убедившись, что переговоры протекают мирно, Кэп и Разящая Стрела подошли ближе. Мэйбл в нескольких словах сообщила им все, что узнала сама, после чего вся компания присоединилась к путникам, сидевшим у костра.

ГЛАВА II

О раб земной! До той поры,
Пока нечистые дары
Ты не принес в свой храм,
Весь мир перед тобой склонен,
Ты — царь, и вознесен твой трон
К высоким небесам.

Джон Вильсон.

На посещение Хайлэнд Глен

Могиканин продолжал насыщаться, тогда как его белый товарищ встал и, учтиво сняв шапку, поклонился Мэйбл. Это был цветущий юноша, полный здоровья и сил; его платье, хоть и не строго флотского образца, как у Кэпа, говорило, что и он более привычен к воде, чем к земле. В то время настоящие моряки были обособленной кастой, резко отличавшейся от других сословий; их представления, равно как язык и одежда, так же ясно указывали на их занятие, как взгляды, речи и одежда турка обличают в нем правоверного мусульманина. Хотя Следопыт был еще мужчина в самой поре, Мэйбл говорила с ним без всякого стеснения, возможно потому, что заря-

дилась храбростью для этого знакомства; встретившись же глазами с молодым человеком, сидевшим у костра, она невольно потупилась, смущенная восхищением, которое прочла — или вообразила, что прочла, — в его приветственном взгляде. И в самом деле, оба они отнеслись друг к другу с тем естественным интересом, какой возникает у молодых впечатлительных людей, когда их роднит одинаковый возраст, сходные жизненные обстоятельства, привлекательная наружность и необычная обстановка их встречи.

— Перед вами, — сказал Следопыт, глядя на Мэйбл с открытой своей улыбкой, — те друзья, которых ваш почтенный батюшка выслал вам навстречу. Это — великий делавар, издевавший на своем веку немало славы, но и немало злоключений. Он носит, разумеется, индейское имя, подобающее вождю, но, так как его трудно выговорить тем, кто незнаком с его наречием, мы переименовали его на английский лад — Великий Змей. Это не значит, что он коварен в большей мере, чем полагается краснокожему, а только что он мудр и хитер, как и подобает воину. Разящая Стрела прекрасно меня поймет.

Пока Следопыт произносил свою речь, оба индейца испытующе оглядывали друг друга; тускарора подошел первым и вступил с соотечественником в дружелюбный по видимости разговор.

— Люблю смотреть, как двое краснокожих приветствуют друг друга в лесной чаще! — продолжал Следопыт. — Не правда ли, мастер Кэп, это все равно как будто два дружественных судна обмениваются салютами в открытом море. Но, раз уж мы заговорили о воде, позвольте представить вам моего юного друга Джаспера Уэстерна, который хорошо знаком с этой стихией, так как всю свою жизнь провел на Онтарио.

— Рад познакомиться, дружище, — сказал Кэп, сердечно пожимая руку своему пресноводному коллеге, — хотя в школе, куда вас отдали, вам еще многому предстоит поучиться. Это моя племянница Мэйбл — я зову ее Магни по причине, всего значения которой ей не по-

нять, хотя вы, должно быть, достаточно преуспели в нашей науке, чтобы знать, что такое компас.

— Причину угадать нетрудно, — отвечал молодой человек, невольно устремляя темные смелые глаза на вспыхнувшее лицо девушки, — и мне думается, что матрос, идущий с таким компасом, как ваша Магни, никогда не собьется с курса.

— Что ж, видно, наши матросские словечки вам знакомы и употребляете вы их с толком и к месту, но, сдается мне, вы видели на своем веку больше зеленой, чем голубой воды.

— Не удивляйтесь, что мне знаком язык береговых жителей, — нашему брату редко приходится больше чем на двадцать четыре часа терять землю из виду.

— Жаль, жаль, молодой человек. Плавающей птице негоже засиживаться на берегу. Ведь, по правде сказать, ваше озеро, мастер Уэстерн, как я полагаю, окружено со всех сторон землей.

— Но, дядюшка, разве то же самое нельзя сказать и об океане? Он тоже со всех сторон окружен землей, — с живостью отозвалась Мэйбл, она испугалась, как бы дядюшка с места в карьер не пустился рассуждать на любимую тему с самоуверенностью неисправимого педанта.

— Ошибаешься, девочка, это как раз земля окружена океаном; я всегда твержу это тем, кто на берегу. Ведь они живут, в сущности, посреди моря, хоть сами того не подозревают; живут, можно сказать, Божьим изволением, ведь воды-то на свете больше, чем земли, не говоря уж о том, что она коварнее. Но такова слепота человеческая: какой-нибудь удалец, и не нюхавший моря, иной раз вообразит себя умнее того, кто обогнул мыс Горн. То-то и оно: земля наша попросту остров, тогда как все прочее — вода.

Молодой Уэстерн был преисполнен уважения к бывалому моряку — его уже давно томили мечты о морском плавании; но он, естественно, чувствовал привязанность к обширному озеру, на котором вырос и которое в его глазах было не лишено своей неповторимой красоты.

— То, что вы говорите, сударь, — заметил он скромно, — может, и верно в рассуждении Атлантического океана, ну а мы здесь, на Онтарио, питаем уважение и к суше.

— Это потому, что она зажала вас в кулак, — возразил Кэп, смеясь собственной шутке. — Но, как я вижу, ваш Следопыт, как вы его зовете, уже спешит сюда с дымящимся подносом и приглашает нас откусать с ним. Вот уж что верно, то верно — дичиной в море не побалуешься. Мастер Уэстерн, услуживать молодой девице в ваши лета так же не обременительно, как выбирать сигнальный фал¹. И если вы позаботитесь о тарелке и кружке для моей Мэйбл, пока я буду закусывать со Следопытом и индейцами, она, конечно, сумеет оценить ваше внимание.

Сказав это больше для красного словца, мастер Кэп и не подозревал, сколь уместно его замечание. Джаспер Уэстерн самым ревностным образом принялся услуживать Мэйбл, и девушка весьма оценила рыцарское внимание, оказанное ей юным матросом при первом же их знакомстве. Джаспер усадил ее на ствол упавшего дерева, отрезал ей самый лакомый кусок дичины, наполнил ее кружку чистой родниковой водой и, усевшись напротив, старался предупредить каждое ее желание, сразу же расположив ее к себе своей ласковой простодушной заботой — этой данью уважения, от которой не откажется ни одна женщина, но которая особенно лестна и приятна, когда исходит от юного сверстника и когда сильная, мужественная сторона воздаст его беспомощной и слабой. Как и большинство мужчин, мало бывавших в женском обществе, молодой Уэстерн вкладывал в свою любезность столько серьезной, искренней и дружеской теплоты — пусть и без отпечатка светского обращения, которого не чужда была Мэйбл, — что эти обаятельные качества с лихвой восполняли в ее глазах недостаток галантности. Предоставим же неопытным и бесхит-

¹ *Сигнальный фал* — снасть, с помощью которой поднимают сигнальные флаги.

ростным молодым людям знакомиться ближе — скорее на языке чувств, чем внятно выраженных мыслей, — и обратимся к другой группе сотрапезников, среди которых дядюшка, старавшийся, как всегда, не ударить лицом в грязь, успел уже стать центральной фигурой.

Вся компания расселась вокруг деревянного подноса с бифштексами из дичи, поставленного для всех, и в завязавшейся беседе, естественно, отразились характеры тех, из кого состояло это разнородное общество. Индейцы молчали и тем усерднее налегали на еду — пристрастие американских уроженцев к жаркому из дичины поистине не поддается удовлетворению, — тогда как оба белых застольника проявили общительность и словоохотливость, причем каждый из них весьма упорно и пространно отстаивал свою точку зрения. Но так как их беседа поможет читателям войти в курс дела и прольет свет на многое в дальнейшем рассказе, нелишне привести ее здесь.

— Ваша жизнь, разумеется, имеет свои приятные стороны, мастер Следопыт, — заметил Кэп, когда голод путников поутих и они начали есть с разбором, выискивая на подносе что повкуснее. — В ней те же превратности счастья, что у нас, моряков, свой риск и свои удачи, но у нас кругом вода, а ваш брат видит только землю.

— Полноте, да мы видим сколько угодно воды в наших походах и поездках, — возразил его белый собеседник. — Мы, жители границы, управляемся с веслом и острогой не хуже, чем с карабином и охотничьим ножом.

— Охотно вам верю. А только умеете ли вы бросопить реи или выбирать швартовы? А владеете ли вы штурвалом и умеете ли бросать лот, есть ли у вас понятие о риф-штерте и стень-вынтрепе?¹ Весло — почтен-

¹ *Реи* — горизонтальные бруссы, подвешенные к мачте за середину и поддерживающие прямые паруса. *Брасопить* реи — с помощью специальных снастей — *брасов* — поворачивать реи в горизонтальной плоскости. *Швартов* — канат, удерживающий судно у пристани. *Риф-штерт* — снасть, растягивающая нижний край косого паруса. *Стень-вынтреп* — снасть, служащая для подъема и спуска *стеньги* — второй снизу части составной мачты.

ная вещь, не спору, когда вы в челноке, но на корабле от него мало проку.

— Что до меня, то я уважаю всякое занятие человека и верю, что названные вами вещи имеют свое разумное назначение. Тот, кто, подобно мне, жил среди многих племен, понимает, до чего разнородны человеческие нравы и обычаи. Раскраска у минга не похожа на раскраску делаваара, и ошибется тот, кто захочет увидеть воина в одежде скво. Я не стар годами, но давно живу в лесу, и человеческая натура мне знакома. Я не питаю уважения к учености горожан — никогда я не встречал среди них такого, кто умел бы целиться из ружья или разбирался бы в лесных тропах.

— Тут, мастер Следопыт, мы сходимся в мнениях. Шататься по улицам, слушать проповеди или посещать воскресную службу еще не значит быть человеком. Отправьте малого в море, если хотите раскрыть ему глаза на мир, пусть поглядит на чужие племена и на то, что я называю лицом природы, если хотите, чтобы он научился понимать сам себя. Возьмите хотя бы моего зятя. Он в своем роде славный малый, ничего не скажешь, но пехтура есть пехтура, и, хоть ты двадцать раз называйся сержантом, дело от этого не меняется. Когда он посватался к моей сестре Бриджет, я сказал этой дурехе — как и обязан был сказать, — кто он есть и чего ей ждать от такого муженька. Но эти девчонки, ежели забьют себе что в голову, с ними просто сладу нет. Правда, сержант вроде бы вышел в люди, у себя в крепости он, кажется, крупная шишка, но ей-то, бедняжке, какой от этого прок, когда она уже четырнадцать лет как в гробу.

— Ремесло солдата — честное ремесло, лишь бы он сражался на правой стороне, — сказал Следопыт. — А как французишки все вор на воре, а его священное величество и наши колонии всегда за правое дело стоят, то у сержанта и совесть спокойна и слава добрая. Я никогда не спал лучше, чем когда задавал мингам взбучку, хотя, по чести сказать, не в моих правилах сражаться, как индеец. У нашего Змея свой обычай, а у меня свой;

мы сражаемся бок о бок уже много-много лет, и каждый из нас уважает обычай другого. Я говорю ему, что на свете только одно небо и только одна преисподняя, чему бы ни учила его религия, но тропы туда ведут разные.

— Вы рассуждаете разумно, и он обязан вам верить; но дороги в ад, по-моему, ведут большей частью сушей. Бедняжка Бриджет всегда называла море «чистилищем»: ведь, расставаясь с сушей, уходишь от ее соблазнов. Сомневаюсь, чтобы это можно было сказать о здешних озерах.

— Что в городах и поселках заводится всякий грех, я охотно допускаю; но наши озера окружены лесами, а в таком храме каждый день хочется возносить молитвы Богу. Что люди даже в лесной глуши бывают разные, я тоже согласен: делавары и минги — это день и ночь. А все же я рад нашему знакомству, друг Кэп, хотя бы уже потому, что вы можете рассказать Великому Змею, что озера бывают и соленые. Мы с ним одна душа и одно сердце с первого же дня, и если могиканин верит мне так же, как я ему верю, то он немало узнал от меня о жизни белого человека и о законах природы; но я заметил, что никто из краснокожих не дает веры тому, что на свете есть соленые озера и реки, текущие вспять.

— А все оттого, что в голове у вас полнейший ералаш и обо всем-то вы судите шиворот-навыворот, — заметил Кэп, снисходительно покачивая головой. — Вы толкуете о своих озерах и перекатах, точно это морские корабли, а об океане, его отливах и приливах — словно это рыбацкий челнок. Разящая Стрела и Змей сомневаются в том, что существует соленая вода, но это же чистейшая бестолочь, хотя и мне, признаться, кажется басней, будто существуют какие-то внутренние моря, а тем более будто вода в море может быть пресной. Я проделал такой долгий путь, отчасти чтобы собственными глазами и собственным небом в этом убедиться, а не только чтобы услужить сержанту и Магни, хоть сержант и муж моей сестры, а Магни для меня все равно что родная дочь.

— Вы заблуждаетесь, вы заблуждаетесь, вы очень заблуждаетесь, друг Кэп, недооценивая могущество и мудрость, явленную Богом в Его творении, — возразил Следопыт с истовой убежденностью. — Бог сотворил солонцы на потребу оленю, и Он же создал для человека, как белого, так и краснокожего, прозрачные родники для утоления жажды. Неразумно думать, будто не в Его власти создать озера чистой воды для Запада или нечистой для Востока.

На Кэпа при всей его самоуверенности педанта произвела впечатление суровая простота Следопыта, но ему не хотелось мириться с фактами, которые он уже много лет отрицал как невозможные. Не желая признать себя побежденным и в то же время чувствуя свое бессилие в споре с человеком, прибегающим к столь непривычным для него доказательствам, подкрепленным в равной мере силой веры, правдолюбия и правдоподобия, он постарался увильнуть от ответа.

— Ладно, ладно, дружище Следопыт, — сказал он, — прекратим этот спор. И уж раз сержант прислал вас, чтобы переправить нас на это самое озеро, уговоримся попробовать его воду на вкус. Об одном только вас предупреждаю: я не хочу сказать, что вода не бывает пресной на поверхности озера. Даже в Атлантическом океане, в устьях больших рек, она местами пресная; я покажу вам, как взять пробу воды на глубине нескольких морских саженей¹. Вы, должно быть, понятия не имеете, как это делается. Тогда и видно будет, что к чему.

Следопыт и сам был рад оставить бесполезный спор, и вскоре разговор у них перешел на другое.

— Мы здесь не слишком высокого мнения о своих талантах, — заметил он после некоторой паузы, — и прекрасно понимаем, что у людей, живущих в городах или у моря...

— ...на море, — поправил его Кэп.

— ...на море, если вам угодно, друг, — иные возможности, чем у нас, в этой глуши. И все же у каждого из нас

¹ *Морская сажень* — одна сотая часть кабельтова, 1,85 метра.

свое призвание, я бы даже сказал — свое природное дарование, не тронутое тщеславием и корыстью. Скажем, у меня талант по части стрельбы, поиска следов да еще охоты и разведки; и, хотя я и владею веслом и острогой, тут я себя мастером не считаю. Вот Джаспер, беседующий с сержантовой дочкой, другого склада человек, он чувствует себя на воде как дома. Индейцы и французы на северном берегу зовут его Пресная Вода, из уважения к его таланту. Он лучше управляется с веслом и снастью, чем с кострами на лесной тропе.

— Что ж, ваши таланты, как я погляжу, достойны уважения, — сказал Кэп. — Костер ваш, к примеру, поставил меня в тупик, несмотря на все мои знания и опыт в морском деле. Увидев дымок, Разящая Стрела сразу же догадался, что костер разложил белый, а это для меня премудрость, какую можно приравнять разве что к управлению кораблем, когда идешь темной ночью между песчаными отмелями.

— Да это сущие пустяки, — возразил Следопыт, заливаясь беззвучным смехом; по выработавшейся у него привычке, он во всем старался избегать излишнего шума. — Мы все свои дни проводим в великой школе природы и походя усваиваем ее уроки. Если б мы не были искушены в этих тонкостях, от нас было бы мало проку, когда мы ищем след или пробираемся сквозь чащу с важным донесением. Пресная Вода, как мы его зовем, так любит всякую сырость, что, собирая валежник для костра, прихватил две-три зеленые ветки — вон их сколько валяется вместе с буреломом. А сырое дерево дает черный дым, что, должно быть, и вам, морякам, известно. Все это пустяки, сущие пустяки, хоть и кажется бог весть какой премудростью тому, кто ленится смиренно и благодарно изучать разнообразные пути Господни.

— Ну и верный же глаз у Разящей Стрелы, если он уловил такое незаметное различие!

— Плохой бы он был индеец, кабы не знал таких вещей! Особенно сейчас, когда весь край охвачен войной, индеец не станет ротозейничать. У каждого цвета кожи своя натура, и у каждой природы свой закон и цвет кожи.

Я, к примеру, много лет убил на то, чтобы изучить все тонкости лесной грамоты: то, что знает индеец, не так легко дается белому, как положенные ему науки; хотя о них я меньше всего берусь судить, ведь я всю свою жизнь прожил в лесной чаще.

— Вы оказались способным учеником, мастер Следопыт, сразу видно, как вы в этом разбираетесь. Но мне думается, человеку, выросшему на море, тоже нетрудно это раскумекать, надо только взяться за дело засучив рукава.

— Это как сказать. Белому человеку плохо дается сноровка краснокожего, как и краснокожему нелегко дается обычай белого. Натура есть натура, и от нее, как я понимаю, нелегко отказаться.

— Это вы так думаете, а мы, моряки, объехавшие весь свет, знаем: люди везде одинаковы — что китайцы, что голландцы. Сколько я заметил, у всех народов в почете золото и серебро, и все мужчины уважают табачок.

— Плохо же вы, моряки, представляете себе индейцев! А захочется ли вашему китайцу песни смерти петь, в то время как в тело ему вгоняют острые щепки и полощут его ножами, и огонь охватывает его нагие члены, и смерть глядит ему в лицо? Доколе вы не покажете мне китайца или христианина, которого на это станет, вам не найти бледнолицего с натурой индейца, хоть бы с виду он и был храбрец из храбрецов и умел читать все книги, какие были когда-либо напечатаны.

— Это, верно, дикари проделывают друг над дружкой такие дьявольские штуки, — заявил Кэп, опасливо поглядывая на аркады деревьев, уходящие в бездонную глубь леса. — Ручаюсь, что ни одному белому не пришлось бывать в такой переделке.

— Ну нет, тут вы опять ошибаетесь, — хладнокровно возразил Следопыт, выбирая на подносе кусочек дичины понежнее и посочнее себе на закуску. — Хотя мужественно сносить такие пытки под силу только краснокожему, белые тоже от них не избавлены, такие случаи бывали, и не раз.

— По счастью, — заметил Кэп, откашливаясь (у него вдруг запершило в горле), — никто из союзников его величества не посмеет подвергать таким бесчеловечным истязаниям преданных верноподданных его величества. Я, правда, недолго служил в королевском флоте, но все же служил, а это что-нибудь да значит; что же до каперства¹ и захвата в море неприятельских судов и грузов, тут я немало поработал на своем веку. Надеюсь, по эту сторону Онтарио нет индейских племен, которые заодно с французами, а кроме того, вы, кажется, сказали, что озеро у вас нешуточных размеров?

— Нешуточных — на наш взгляд, — ответил Следопыт, не скрывая улыбки, удивительно красившей его загорелое, обветренное лицо. — Хотя, помнится, кто-то называл его жалкой речушкой. Но оно недостаточно велико, чтобы укрыться за ним от врага. У Онтарио два конца, и кто не решится переплыть на другой берег, может обойти кругом.

— Вот это-то и беда с вашими пресноводными лужами, — взъелся на него Кэп, откашлявшись так громко, что даже сам испугался, как бы себя не выдать. — А попробуйте обогнуть океан — такого подвига еще никто не совершил, — что на каперском, что на простом судне.

— Уж не хотите ли вы сказать, что у океана нет концов?

— Вот именно: ни концов, ни боков, ни дна. Народ, надежно ошвартованный на его берегу, может не бояться племени, бросившего якорь у него на траверзе², хотя бы то были кровожадные дикари, лишь бы они не знали искусства кораблестроения. Нет, люди, населяющие берега Атлантического океана, могут не опасаться за целостность своей шкуры и своего скальпа. Человек там может вечером спокойно лечь спать в надежде проснуться на-

¹ *Капер* — в ту пору вооруженное частное судно, получившее во время войны разрешение своего правительства на захват неприятельских торговых судов.

² *На траверзе* — направление, перпендикулярное курсу судна.

утро с собственными волосами, если только он не носит парика.

— У нас тут другие порядки. Лучше я воздержусь от подробностей, чтобы не пугать молодую девушку, хотя она, кажется, так усердно слушает Пресную Воду, что ей ни до кого дела нет. Кабы не мое лесное образование, я бы не очень решился разгуливать по этой местности между нами и крепостью, принимая во внимание, что нынче творится на границе. По эту сторону Онтарио сейчас, пожалуй, не меньше ирокезов, чем по ту. Вот потому-то, приятель Кэп, сержант и обратился к нам за помощью и попросил проводить вас до крепости.

— Как! Неужто злодеи осмеливаются крейсировать под дулами орудий его величества?

— А разве вороны не слетаются на труп убитого оленя под носом у охотника? Естественно, что сюда просачиваются индейцы. Между поселениями и крепостью постоянно толкутся белые, вот те и рыщут по их следу. Когда мы направлялись сюда, Змей все время шел по одному берегу реки, а я — по другому, чтобы выследить эти банды, ну а Джаспер, как отважный матрос, в одиночку перегонял пирогу. Сержант со слезами рассказал ему, какая у него славная дочка, как он по ней стосковался и какая она умница и скромница, и наш парень готов был сгоряча ринуться за ней хоть в лагерь мингов и с голыми руками полезть в драку.

— Что ж, спасибо, спасибо! Такие чувства делают ему честь. Хотя не думаю, чтоб он подвергался большому риску.

— Всего лишь риску, что кто-нибудь его подстрелит из укрытия, когда он поведет пирогу вверх по быстрине да будет огигать крутые излучины, следя, нет ли где водоворота. Из всех рискованных путешествий самое рискованное, по-моему, плыть по реке, окруженной засадами, а с этим-то и пришлось столкнуться Джасперу.

— Какого же черта сержант послал за мной и втравил нас в это идиотское плавание — шутка ли сказать, сто пятьдесят миль пути! Дайте мне открытое море и врага,

который не играет в прятки, и я готов с ним сразиться в любое время и на любых условиях: хочешь — борт о борт, хочешь — с большой дистанции. Но быть убитым врасплох, как снулая черепаха, — это, извините, меня не устраивает. Кабы не малышка Магни, я бы сию же минуту снялся с якоря и повел свой корабль обратно в Йорк, а вы уж сами разбирайтесь, какая в Онтарио вода — соленая или пресная.

— Этим дела не поправишь, приятель-моряк. Обратная дорога не в пример длинней и разве лишь немногим спокойнее. Доверьтесь нам, мы вас доставим в целости и сохранности или пожертвуем индейцам наши скальпы.

По обычаю моряков, Кэп носил свою тугую косицу в кошельке из кожи угря, тогда как на темени у него пробивалась изрядная плешь; машинально он огладил себе лысину и косу, словно проверяя, все ли в порядке. Это был храбрый служака, не раз глядевший в глаза смерти, но только не в том ее жутком обличье, какое ему выразительно и немногословно обрисовал новый знакомец. Однако отступать было поздно, и он решил не подавать виду, что боится, и только про себя отпустил несколько теплых слов по адресу своего зятя, сержанта, который, по обычной своей дурости и беспечности, втравил его в эту грязную историю.

— Я не сомневаюсь, мастер Следопыт, — сказал он, дав этим промелькнувшим мыслям окрепнуть в решение, — что мы благополучно войдем в гавань. А далеко еще до крепости?

— Миль шестнадцать без малого. Но их и за мили считать нельзя. В реке течение быстрое. Лишь бы минги нам не помешали.

— А лес так и будет за нами гнаться — и по штирборту, и по бакборту¹, как это было, когда мы сюда плыли?

— Что вы сказали?

— Я говорю — мы так всё и будем путаться среди этих проклятущих деревьев?

¹ *Штирборт* и *бакборт* — соответственно правый и левый борта у судна.

— Нет-нет, вы поедете в лодке: Осуиго очищена войсками от плавника¹. Вашу пирогу будет быстро сносить по течению — знай только посматривай!

— Да кой же лесший помешает мингам, про которых вы тут толковали, подстрелить нас из засады, пока мы будем обходить мысок или лавировать среди подводных камней?

— Им помешает Господь! Он уже многих спасал и не от таких напастей. Немало было случаев, когда этой голове грозила опасность лишиться всех своих волос, да и с кожей в придачу, кабы меня не хранил Господь. Я никогда не пускаюсь в драку, друг-моряк, не вспомянув моего верного союзника, — Он больше постоит за тебя в битве, чем все батальоны Шестидесятого полка, построенные в боевом порядке.

— Ваши рассуждения годятся для разведчика, ну а нам, морякам, подавай открытое море и видимость до самого горизонта, и нам не до размышлений, когда мы идем в дело. Наша работа — бортовой залп против бортового залпа, деревья и скалы тут только помеха.

— Вам, поди, и Бог в помеху, как я погляжу. Верьте моему слову, мастер Кэп, в любом сражении надо иметь Бога на своей стороне. Взгляните на Великого Змея. Видите у него этот шрам вдоль левого уха? Знайте же, только пуля из моего длинного карабина спасла его скальп; она просвистела как раз вовремя: еще минута, и мой друг распрощался бы со своей боевой прической. И когда могиканин теперь жмет мне руку в знак того, что он ничего не забыл, я говорю ему: брось, дружище, я тут совершенно ни при чем. Бог дымком дал мне знать, что мой брат в беде. А раз я в нужную минуту оказался на нужном месте, мне уже никакая помощь не требуется. Когда над твоим другом занесен томагавк², соображаешь и действуешь быстро, как оно и было в том случае, а иначе дух

¹ *Плавник* — деревья, плавающие в реке или в море или же выброшенные на берег.

² *Томагавк* — боевой топор индейцев.

Змея в эту минуту охотился бы в блаженной стране его праотцев.

— Да уж будет вам, будет, Следопыт! Пусть меня лучше освежат от носа до кормы, чем слушать эти ваши растабары. У нас всего несколько часов до захода солнца, и, чем зря терять золотое время, давайте уж пустимся вплавь по вашей речушке. Магни, дорогая, готова ты в поход?

Магни вскочила, вся залившись краской, и начала быстро собираться в дорогу. Она не слышала ни слова из приведенного здесь разговора, так как Пресная Вода, как обычно называли молодого Джаспера, рассказывал ей о крепости — этой еще отдаленной цели ее путешествия, — о ее отце, которого она не видела с самого детства, и о том, как протекает жизнь в пограничном гарнизоне. Незаметно для себя она так увлеклась его рассказами и мысли ее были так поглощены этими новыми, захватывающими сведениями, что те малопривлекательные предметы, о коих толковали рядом, не дошли до ее сознания. Между тем за суматохой сборов все беседы прекратились, а так как у проводников багаж был самый немудрящий, вся партия в несколько минут приготовилась к выступлению. Но, прежде чем покинуть лесную стоянку, Следопыт, к удивлению даже своих товарищей-проводников, набрал охапку валежника и бросил в дгорающий костер, позаботившись накидать туда и сырых веток, чтобы от них повалил густой черный дым.

— Когда хочешь скрыть свой след, Джаспер, иногда не вредно оставить после себя костер на биваке. Если в пределах десяти миль отсюда бродит дюжина мингов и некоторые из них с высоких холмов и деревьев оглядывают окрестность, высматривая дымок, пусть увидят его и сбегутся сюда и пусть на здоровье обглаживают наши объедки.

— А вдруг они нападут на наш след и погонятся за нами? — спросил Джаспер; его забота о безопасности спутников заметно возросла, с тех пор как он познакомился с Магни. — Ведь мы оставим за собой широкий след к реке.

Купер Дж. Ф.

К 92 Следопыт, или На берегах Онтарио : роман / Джеймс Фенимор Купер ; пер. с англ. Р. Гальпериной, Д. Каравкиной, В. Куреллы. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 512 с. — (Азбука-классика).
ISBN 978-5-389-10952-0

Действие «Следопыта» (1840) — третьего романа пенталогии американского писателя Джеймса Фенимора Купера о Натанаэле Бампо (также известном читателю под прозвищами Зверобой, Кожаный Чулок и Соколиный Глаз) — происходит в 1759 году, в разгар франко-индейской войны, на водах и берегах озера Онтарио, одного из североамериканских Великих озер, где автор в пору военной службы провел около пяти лет. Опасные встречи в лесных дебрях, рискованный спуск по порожистой реке, стычки с французами и индейцами и другие приключения служат в «Следопыте» колоритным романтическим фоном для рассказа о любви Натти Бампо к дочери его старого друга, девятнадцатилетней Мэйбл Дунхем, о его соперничестве за чувства девушки с молодым Джаспером Уэстерном и о самопожертвовании ради чужого счастья.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС ФЕНИМОР КУПЕР
СЛЕДОПЫТ, ИЛИ НА БЕРЕГАХ ОНТАРИО

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Шнитникова, Ирина Сологуб,
Нина Тюрина

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.01.2016. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 22,56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors

AAKB1898301R